

• СЛЕДЫ ДО ПРОБУЖДЕНИЯ

Тот, кого боялись заранее

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Тот, кого боялись заранее

<https://litres.ru/74295879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Следы уводят Элиана и его спутников на север, в Насторожье — край, где живут с оглядкой и боятся заранее. Здесь мальчик Севр знает про тревогу всё: она звенит набатом раньше беды, велит закрывать ворота до того, как появится угроза. Но что делать, когда страх начинает придумывать врагов сам, лишь бы не сидеть без дела? Вторая повесть — про страх, который хочет уберечь, а выходит, что запирает; и про то, как отличить настоящую опасность от той, что мы боимся наперёд.

Содержание

Глава 1. След, который отступил	5
Глава 2. Башня не говорит	14
Глава 3. Пустое место	23
Глава 4. Ночь, которую уже помнят	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Денис Пожидаев

Тот, кого боялись заранее

СОН, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Цикл «Следы до пробуждения»

ТОТ, КОГО БОЯЛИСЬ ЗАРАНЕЕ

Повесть вторая

Глава 1. След, который отступил

Край Шорохов начался со звука, которого ещё не было.

Они шли уже второй день по следам Раньше — тем, что он оставил в ночь ухода из Ладени и что вели на север, к сухой шуршащей земле. Команда не спешила: они выпались, проверили дорогу, собрали, что могли, и вышли, когда решили сами, а не когда позвали следы. Элиан выучил это ещё в прошлый раз — что смелость и спешка не одно и то же.

Тропа называлась Тихих Шагов. Мох на ней лежал такой мягкий, что глушил настоящие шаги, — и оттого особенно ясно было слышно шаги ненастоящие. Следы Раньше ложились впереди него. Шесть маленьких вмятин появлялись на мху с едва слышным сухим звуком, будто кто-то вёл пальцем по бумаге, — а сам Раньше только через мгновение добегал до них и вступал в уже готовое.

Элиан присел и коснулся одного следа. Он был прохладнее земли вокруг — как остывает место, с которого ушли.

— Он тут уже был, — сказал Элиан. — В прежней версии. Значит, идём правильно: он помнит дорогу.

— Не спеши, — сказал Карманых. Он достал книжку описи и, не останавливаясь, записал: «Движение предварительно зарегистрировано. Владелец движения присутствует. Причина опережения не установлена». — Опережающий след — ещё не возвращённая память. Владелец идёт рядом. Не приписывай зверю воспоминание только потому, что тебе так удобнее идти.

Тильда шла молча. Одна её тень держалась при ней, а Дальняя то и дело выступала вперёд — тянулась к следам раньше, чем сама Тильда до них доходила.

— Моя дальняя отзывается на след прежде меня, — сказала она тихо. — Не нравится мне это. Будто след — из чьей-то другой версии, а не из этой.

И тут впереди прозвучал ритм.

Два лёгких удара. Пауза. Третий удар.

Он донёсся справа, хотя тропа сворачивала влево, — так, что источника быть не могло. Раньше замер.

А на дороге перед ним легли новые следы — следы отступления: резкая остановка, разворот, шаги назад, прочь от того, что было впереди. Только сам Раньше ещё не отступил. Он стоял, прижав уши-уголки, и бесцветный участок на его боку вдруг сделался ясно виден, будто выцвел ещё сильнее. А потом, через несколько секунд, он и вправду попятился — точь-в-точь по следам, что уже его ждали.

— От кого он? — спросил Элиан. — Тут же никого нет.

Из-за поворота, оттуда, где никого не было, ответил дет-

ский голос:

— Не подходите ближе.

Голос не был испуган. Он звучал деловито — как предупреждают о мокрой ступеньке.

За поворотом стоял дорожный сигнальный пост — столб с медными пластинами, которые отвечали ветру разными щелчками. Рядом был мальчик лет двенадцати и взрослый при нём.

Мальчик не приближался. Он и смотрел не на них — он смотрел на боковой проход у поста, перегороженный переносным ограждением.

— Уберите нижнюю планку, — сказал он взрослому. Того, видно, приставили приглядывать: он держался на шаг позади. — Ему нужен проход.

— Маршрут установлен, Севр, — ответил взрослый, не двигаясь.

Мальчик — Севр — не стал спорить. Он просто отодвинул нижнюю планку ограждения ногой, освобождая узкий боковой проход. И Раньше, который всё пятился, тут же скользнул в освобождённое место и пятиться перестал.

У поста стояли несколько жителей. Они зашептались, и

Элиан расслышал: «животное его помнит», «видите, бежит от него».

— Это ничего не доказывает, — сказал Элиан громче, чем хотел. — Он так отзывается не на человека. Реакция зверя — не свидетельство.

Севр наконец посмотрел на него. Взгляд был прямой, слишком прямой — так смотрят не когда открыты, а когда привыкли, что им не верят.

— Ты тоже уже решил, — сказал Севр. — Они решили, что она доказывает вину. Ты решил, что она доказывает обратное. Вы оба не спросили его. — Он кивнул на Раньше. — Не подходите ближе. Не потому, что я опасен. Ему нужен выход.

Элиан открыл рот и закрыл. Обвинение было несправедливым — и точным разом. Он и вправду уже знал, что скажет про Раньше, ещё не поглядев на него.

Севр тем временем убрал в карман небольшую медную пластинку — ту, которой перед этим что-то проверял на посту. И как только тихий, почти неслышный ритм от пластинки прекратился, Раньше успокоился совсем. Севр будто и не заметил. Он не смотрел зверю в глаза и не подзывал — стоял и давал ему самому выбрать расстояние.

От Севра пахло мокрой тканью и медью. Не опасностью. На его куртке не хватало части медных знаков — их, видно, недавно сняли.

Взрослый — его звали Вейра — тронул Севра за плечо,

чтобы вести дальше, и Севр коротко, всем телом, ушёл из-под руки, будто прикосновение без предупреждения жгло.

— В город вас пустят только через Ворота Первого Звука, — сказал Вейра команде. — Идёмте.

Севр пошёл — рядом, но отдельно, на своём шаге, как ходят те, кто привык, что «вместе» им не полагается.

Ворота Первого Звука были не створками, а аркой из светлого камня с медными пластинами по своду. Входящий должен был назвать четыре вещи: себя, цель, услышанный звук и — известен ли его источник. В Краю Шорохов, объяснил Вейра, знак опасности и доказательство события — разные вещи, и путать их нельзя.

Элиан назвал себя и цель — «идём с севера, ищем дорогу дальше», не поминая ни белый ключ, ни прежнюю команду. Потом пограничник — его тут звали разделителем, потому что он разделял звук и источник, — спросил:

— Какой звук ты слышишь?

Элиан прислушался честно.

— Медную пластинку. Ткань плаща. И... лишний шаг. Все остановились, а после был ещё один шаг.

— Чей?

— Не знаю, — сказал Элиан.

— Тогда не угадывай, — сказал разделитель, и в этом не было грубости, только правило. — Запиши как есть.

Элиан записал: «Источник неизвестен». И почувствовал, что впервые за дорогу сделал что-то правильно по здешним меркам.

Севра проверяли отдельно, под присмотром. Он услышал тот же лишний шаг — Элиан видел это по тому, как мальчик чуть повернул голову, — но описывать отказался.

— Слушатель обязан, — напомнили ему.

— Отстранённый слушатель не является бесплатной частью ворот, — ответил Севр.

Карманычу вручили памятку для входящих. Он прочитал её и, ничего не сказав, показал Элиану. В памятке была графа «предполагаемый источник тревоги». В ней уже стояло имя: Севр. А в соседней графе, «первичный физический сигнал», не стояло ничего. Пусто.

— Тут причина названа раньше сигнала, — сказал Элиан разделителю. — Имя есть. А что именно услышали — нет.

— Памятка составлена по своду, — ответил тот, будто это всё объясняло.

Раньше прошёл ворота не через середину арки, а под самой боковой пластиной, низко. И арка отозвалась не когда он проходил, а после — с опозданием, вслед. А Дальняя тень Тильды на миг задержалась снаружи, за аркой, словно не вся Тильда согласилась войти. Севр это заметил и ничего не ска-

зал.

За воротами открылся город — и на первом же указателе Элиан прочитал:

«Северный район закрыт после Ночи».

Он перечитал дважды. Дата Ночи, выбитая ниже, ещё не наступила. Город закрыл район после события, которого не было.

Насторожье было слышно раньше, чем видно: по улицам шли слабые сигналы, где-то мерно щёлкала линия, отбивал время колодец. Город и вправду был устроен умно и заботливо — широкие пути, убежища, ночные фонари, — но по светлomu камню всюду виднелись тёмно-красные метки, и чем ближе к центру, тем гуще. Один дом был помечен особым знаком — наблюдаемый. Элиан понял, что это дом Севра, ещё прежде, чем Севр чуть замедлил шаг.

Жители держались по-разному. Одни отходили. Другие просто смотрели. Кто-то здоровался — не с Севром, с Агдой, — а кто-то предлагал ей помощь, будто у неё горе.

У лотка торговец, не понижая голоса, договорил кому-то фразу, которую Элиан весь день слышал только кусками:

— ...говорю тебе, Севр откроет северные ворота. Башня

сказала.

— Башня этого не говорила, — резко сказал Севр.

— Башня уловила треск, — произнёс новый голос, ровный и усталый. — Имя появилось позже. Пока это разные факты.

Это была женщина лет сорока с лишним, в такой же куртке слушателя, как у Севра, только со всеми медными знаками на месте. Она держалась прямо и говорила так, как говорят люди, привыкшие, чтобы их слушали в тревоге. Агда Набат, старшая хранительница Башни. Тётя Севра.

Элиан ухватился за её слова — точные, честные, те самые, каких он весь день ждал от взрослого.

— Если Башня не называла имени, — спросил он, — почему оно уже в городских бумагах? Я видел памятку. Причина названа, а сигнала нет.

— Совет собрал предварительный свод, — сказала Агда, и Элиан заметил, как между «Башня уловила треск» и «Совет собрал свод» в ней что-то сдвинулось: она сама знала различие — и всё равно говорила уже изнутри системы, которая это различие стёрла.

Севр слушал молча, а потом сделал простую вещь: постучал медной пластинкой по перилам моста. Два удара, пауза, третий.

Раньше резко отступил.

Севр тут же перестал стучать — быстрее, чем кто-либо успел бы велеть, — и убрал пластинку. И Элиан впервые яс-

но увидел то, что весь день проходило мимо: зверь отступал не тогда, когда Севр был рядом, а тогда, когда звучал этот ритм. Дело было не в мальчике. Дело было в звуке.

Но Агда увидела другое. Она увидела, как животное ша-рахнулось от Севра, — и стала суше, напряжённее, ближе к тем, кто уже всё решил.

— Башня не говорит, — сказал Севр, глядя на неё, а не на толпу. — Люди говорят в неё, а потом пугаются ответа.

Агда не ответила ему. Она повернулась к команде — снова хранительница, снова при должности.

— Идёмте в Башню Дальних Звуков, — сказала она. — Я покажу вам, что она слышала на самом деле. — И, чуть тише, не глядя на племянника: — Севру туда пока нельзя.

Севр отвернулся первым — раньше, чем это успело ранить его при всех. Но Элиан уже понял, что ранило.

Глава 2. Башня не говорит

Башня Дальних Звуков стояла на голом каменном основании и была не столько зданием, сколько огромным ухом, вставленным в гору.

Внутри воздух был плотнее, чем снаружи, и всякий голос легко срывался в эхо. Пахло маслом, медью и влажным камнем. Звук шёл не только по воздуху — Элиан чувствовал его подошвами, через пол.

Агда провела их в нижний круг и первым делом назвала правила Башни:

— Не повторять услышанную фразу. Не подсказывать слушателю, что он должен услышать. Записывать звук раньше, чем объяснишь его. — Она говорила это, как говорят вещи, которые берегут годами. — Башня работает верно ровно до того места, где начинается человек.

— Эти три правила, — сказал Элиан, — в городе уже нарушены все. На воротах имя стоит раньше сигнала. Фразу за меня договорил торговец. А что услышали на самом деле, не записано нигде.

Женщина у пульта — её звали Хелла Свод, она вела общий свод показаний — ответила спокойно и твёрдо:

— Тревога потребовала оперативной ясности. Когда город готовится к беде, он не может ждать, пока все разночтения улягутся. Людям нужна одна версия, по которой можно действовать.

— Даже если её никто не слышал целиком? — спросил Элиан.

Хелла не ответила.

Они поднимались ярусами. Карманыч на одном из поворотов вдруг остановился и прижал руку к плащу.

— Пустой карман, — сказал он с неудовольствием. — Открылся под утрату, которой ещё нет. — И тут же: — Закрылся. Исчез. Так не бывает. Здесь потери ведут себя неприлично.

Тильда смотрела на лестницу двумя взглядами.

— В одной версии эта лестница идёт наверх, к верхнему кругу, — сказала она. — В другой упирается в закрытую дверь. И обе версии здесь, в этой самой Башне, а не в разных.

— В верхний круг нельзя, — сказала Агда. — И в Комнату Без Источника тоже. Туда доступ закрыт.

В узкое окно Элиан увидел двор. Внизу, у стены, стоял Севр — один, под присмотром. Он не смотрел на Башню. Он нарочно смотрел куда угодно, только не на неё.

— Почему Севр сюда не хочет? — сказал Элиан вслух. — Он же слушатель. Это его Башня.

И стоило ему произнести имя — «Севр», — как Башня отозвалась. По камню прошла низкая вибрация, глубокая, из самого основания, будто гора повторила имя за ним.

— Не произноси его имя внутри контура, — быстро сказала Агда. — Пожалуйста. Башня подхватывает то, чего уже ждут.

Раньше идти дальше отказался. У входа в центральный круг он сел, поджал шесть лап и не двинулся. Агда посмотрела на него — и не стала заставлять. Она просто оставила дверь открытой.

— Это в её пользу, — тихо сказал Карманыч Элиану. — Запомни. Она не гонит зверя в комнату без выхода. Пока — не гонит.

В рабочей комнате среднего круга Агда вызвала трёх первых слушателей — тех, кто в ту ночь дежурил и первым «услышал».

Лор Сенник, седой и осторожный, сказал, что слышал слово «север».

Ида Ров, помоложе, была уверена в другом: «откроет».

Бер Мальт, широкий и медлительный, утверждал, что слышал имя — «Севр».

— Кто-нибудь из вас, — спросил Элиан, — слышал всю фразу? Целиком? «Севр откроет северные ворота» — от начала до конца, одним куском?

Все трое молчали.

— Север, — повторил Лор.

— Откроет, — сказала Ида.

— Севр, — сказал Бер и вдруг чуть сдвинул брови. — Хотя... может, я слышал больше. Раз в своде так написано, значит...

— Покажите свод, — попросил Элиан.

Хелла положила на стол лист. В нём фраза уже стояла единой, гладкой, законченной: «Севр откроет северные ворота». Три обрывка — «север», «откроет», «Севр» — были сшиты в одно предложение, и шов был так аккуратен, что казался целым.

— Уберите свод, — сказал Элиан. — И повторите каждый своё. Без листа.

Хелла помедлила — и убрала. И стоило листу лечь в папку, как показания снова разошлись: «север», «откроет», «Севр». Три разных звука. Не фраза.

— Одна версия усиливается, когда свод лежит на столе, — тихо сказала Тильда, глядя на свои тени. — И слабеет, когда его убирают. Я это вижу. Люди подстраируют память под бумагу, а не бумагу под память.

Даже вибрация имени в стенах стала тише, когда лист исчез со стола.

— Детали не меняют главного, — сказала Хелла. Не зло — устало, как человек, который держит на себе спокойствие целого города. — Пусть слова разные. Смысл один. Все услышали опасность, связанную с Севром.

— Пока «главное» существует только из деталей, которые никто не слышал вместе, — сказал Элиан. — Вы сложили фразу из трёх людей. Ни один из них её не произносил.

Хелла закрыла папку чуть резче, чем нужно.

В нижнем круге стоял технический цилиндр — он хранил и воспроизводил уловленный звук. Орд Клин, инженер Башни, крепкий человек с испачканными маслом руками, запустил первичную запись — ту самую, из ночи, когда всё началось.

Сначала пошёл звук чистый и нечеловеческий.

Низкий металлический треск. Долгая вибрация — Элиан почувствовал её в зубах, и во рту стало горько, как от меди. Короткая пауза. И только потом, после, пришло человеческое: чьё-то дыхание, шорох, движение людей, отдельные слоги без порядка. Имя не звучало. Никакого «Севр» в записи не было — были обрывки, которые можно сложить как угодно.

— Громче, — попросила Хелла.

Орд повернул рукоять. И с усилением случилось странное: человеческие шумы, ставшие громче, начали сами собой складываться в знакомую фразу. Чем громче — тем отчётливее слышалось «Север откроет северные ворота», хотя в тихой записи ничего такого не было.

— Верните тихо, — сказал Элиан. — Пожалуйста. Ещё раз, без усиления.

Орд глянул на Агду. Та кивнула. В тишине снова был только треск, вибрация, пауза — и невнятица после.

— Сначала металл, — сказал Элиан. — Потом люди. Треск был первым. Имя — последним. И это вообще двое, а не один звук.

— Треск мог быть обычным напряжением, — сказал Орд. — Металл на морозе трещит. Это не отказ конструкции.

Он говорил уверенно, но, говоря, положил ладонь на бок своего инструмента — и Элиан успел заметить под ладонью старую маркировку: клеймо северного ремонта. Орд руку не убрал.

— Трещина не открывает ворота, — сказал Орд. — Человек открывает.

— Источник звука не потерян, — заметил Карманыч, склонив голову набок, как он делал над описью. — Он только не установлен. А это разные вещи. Потерянное я умею возвращать. Неустановленное — нет. Его ищут ногами.

И в этот миг белый ключ в его плаще впервые потяжелел.

Карманыч почувствовал это, прижал карман ладонью и посмотрел на старую внутреннюю стену Башни, к которой вёл узкий тёмный проход.

— Осмотрим ту стену, — сказал он. — Ключ тянет туда.

Старый технический коридор был из тех, куда давно не ходят: известковая пыль, запах старой меди, холод. Белый ключ в руках Карманыча тяжелел с каждым шагом, охлаждался — Элиан видел, как индевеет ткань кармана, — и зубцы его на миг делались другими, будто ключ вспоминал чужой замок.

— Проверь его на ближних замках, — сказал Элиан. — Раз тянет, значит, что-то тут открывает.

— Нет, — сказал Карманыч. — Он не затем, чтобы им открывали. Он затем, чтобы знать, что рядом закрыли. Ключ я тебе не дам и в замок не вставлю. Мы это уже проходили.

У глухой стены в конце коридора они остановились. И на стене, под пылью, Элиан различил то, от чего у него похолодело внутри.

Четыре детские отметки роста — чёрточки на разной высоте, как отмечают, на сколько ребёнок подрос за год. Шестилапый след. Потёртый крючок, вбитый выше всех дет-

ских отметок, под что-то длинное. И рисунок: закрытое веко, огромное, вместо неба.

То же веко, что было на рисунке в невозможной комнате Ладени.

— Тут были дети, — сказал Элиан очень тихо. — Четверо. И крючок под плащ. И это веко. Мы... мы уже были здесь. Задолго до того, как я себя помню.

Тильда провела ладонью по стене рядом с рисунком.

— Тут надпись, — сказала она. — И у неё два начертания, два следа. — Она стёрла пыль. Под пылью проступили буквы: «Не слушай то, что ещё не выбрано». — В одной версии это писали давно. В другой — будто только что.

Элиан смотрел на буквы, и рука сама поднялась к ладони, где под кожей засветилась тонкая линия. Почерк был знакомый. Знакомый до дрожи — как собственный, только увереннее. Но чей — назвать он не мог. Опять не мог.

Агда стояла позади и молчала дольше, чем молчат от незнания. Потом принесла из ниши старый технический журнал, раскрыла на ночи сигнала и показала запись дежурного — не свод, а первую, чёрную от времени:

— Смотрите порядок, — сказала она, и голос у неё был не как у хранительницы, а как у человека, который впервые засомневался. — Сначала треск. Потом обсуждение. Имя записано последним, и другой рукой. Этот журнал старше официального свода. Я... я не сверяла их между собой. Мне не пришло в голову, что они могут расходиться.

За глухой стеной, там, где не было ни двери, ни щели, раздался звук закрывающейся двери. Отчётливый, со щелчком. Только воздух в коридоре не дрогнул — а закрытая дверь всегда гонит воздух.

Никто не открывал. Никто не закрывал. Просто где-то, в чьей-то ещё не выбранной версии, дверь затворилась за тем, кто уже вышел.

Агда закрыла журнал.

— Вечером Совет Второго Сигнала, — сказала она. — Севра будут обсуждать. Без него — если он не согласится прийти под сопровождением. — Она помолчала. — А он не согласится.

Глава 3. Пустое место

Зал Совета Второго Сигнала был длинным, деревянным, с медными закладками на перилах и слабой вибрацией в полу — в Насторожье даже совещались так, чтобы слышать, если снаружи что случится.

За длинным столом сидели те, кто решал. Пелл, собиравший подтверждения, — он всё время спрашивал, сколько человек подтвердило. Мара Тишь, говорившая негромко и всё сворачивавшая к тому, что мальчика надо не запирать, а вернуть. Тарн, чьё дело было отменять ложные тревоги и оттого осторожный вдвойне. Дора, говорившая за семьи северного склона, за их детей. Хелла со своим сводом. Агда.

Севра привели под сопровождением и посадили с краю. Элиан оглядел зал и сразу увидел то, чего не хватало. С другого края стола стоял маленький детский стул. Пустой.

— Чей это стул? — спросил Элиан.

— Детского свидетеля, — ответила Мара. — Руты. Она записывала звуки наравне со взрослыми. Но её отстранили.

— За что?

— Она дружила с Севром, — сказала Дора, не враждебно, а как объясняют очевидное. — Знакомство мешает беспристрастности.

— А вы? — спросил Элиан. — Вы все знакомы со своим страхом за детей. Это тоже мешает беспристрастности. Но ваши места не пустуют. Почему знакомство ребёнка с Севром — предвзятость, а знакомство взрослого со страхом — нет?

За столом стало тихо. Хелла, не отвечая, положила на пустой детский стул свой свод — просто как кладут бумаги на свободное место. Стул скрипнул под листами.

Элиан встал, снял свод со стула и положил рядом, на пол, аккуратно, не смяв.

— Не на это место, — сказал он. — Оно ещё чьё-то.

Севру задали вопрос — тот самый, который он ненавидел больше всех:

— Что ты слышишь, Севр?

Севр помолчал и ответил ровно:

— Сейчас я слышу, как вы решаете, что услышите от меня.

Совет раздражённо загудел. Агда быстро вернула разговор к делу — к мере, которую надо принять. А Раньше, которого Элиан привёл с собой, остался у двери: в центр его не пустили, назвав «нестандартным свидетелем», чью реакцию нельзя занести в свод.

Севр посмотрел на Элиана — на то, как тот убрал свод со

стула, — и что-то в его лице чуть сдвинулось. Этот спорил не только о том, чем кончится. Он спорил о том, как решают.

Мера, которую предложила Агда, была на первый взгляд разумной.

— Отстранение от Башни. Домашнее наблюдение. Запрет ходить на северный склон. И инженерная проверка ворот, — перечислила она. — Не обвинение. Ограничение доступа, пока не установлена причина.

— Когда закончится? — спросил Севр.

— После проверки основания, — сказала Агда.

— Запишите это, — потребовал Элиан. — Слово в слово. «Мера действует до проверки основания». Чтобы у неё был конец, а не только начало.

Хелла записала. Тарн, чьё ремесло было отменять тревоги, подтвердил, что право отмены сохраняется. Дора настояла на сопровождении. Всё выглядело как забота с условием — та самая забота с выходом, которой Элиан выучился желать.

Севр соглашаться не хотел. Но он был умнее своего гнева и понимал: откажись он — отказ тут же занесут в новый риск. «Сопротивлялся, значит, опасен».

— Запишите, что я не согласился, — сказал он. — И что я всё равно не сопротивляюсь сейчас. Это разные вещи. Пусть обе будут в бумаге.

Никто не знал, как оформить детское несогласие, — стул Руты пустовал, а без неё детское «нет» некуда было вписать.

Домашний ключ Севру оставили. Это Элиан отметил про себя как хорошее.

А перед тем как передать решение дальше, Агда сделала странное: трижды стукнула костяшками по столу. Коротко, привычно, будто проверяла, крепок ли он. Домашний, нерабочий жест — он вдруг вошёл в официальную сцену, и Элиан его заметил, сам не зная зачем. Просто отложил, как откладывал всё, что не сходилось.

— Инженерная проверка — завтра утром, — объявил Совет.

— Прошу отсрочки, — сказал Орд. — Основание надо готовить. Спешка на воротах опаснее ожидания.

После заседания Орд показал во дворе модель северных ворот — деревянную, в половину роста, с валом и рычагами.

— Чтобы человеку открыть ворота, — сказал Орд, — надо сделать по порядку три вещи. Снять блокировку. По-

вернуть вал. Открыть аварийный выпуск. Каждое даёт свой звук. Иначе их не открыть никак.

— Сними блокировку, — сказал Севр.

Орд снял. Раздался сухой лязг.

— Поверни вал.

Тяжёлый скрип.

— Открой выпуск.

Глухой стук.

— А теперь, — сказал Севр, — вспомни ночной треск. Тот, первый. — Он и не ждал, что Орд сыграет; он сам, тихо, губами и языком, воспроизвёл его — низкий, дрожащий, тянущийся. — Слышите? Он не похож ни на лязг, ни на скрип, ни на стук. Треск был не из этих трёх. Значит, ворота в ту ночь не открывал человек. Ни на одном шаге.

— Значит, это конструкция под нагрузкой, — сказал Орд.

— Металл тянет, основание держит вес. Не отказ.

— И не человеческий шаг, — сказал Севр.

Орд нахмурился: мальчишка лез в инженерную оценку, куда его не звали. Но Элиан уже смотрел не на спор, а на металлический клин у основания модели. На клине была выбита дата.

— Это когда ремонтировали? — спросил Элиан.

— Давно, — сказал Орд. — Временный... — он запнулся, — достаточный ремонт. Достаточный. Держит же.

Агда стояла рядом и слышала, как «временный» превратилось в «достаточный». Но развивать не стала. Она уже вы-

брала, кому верить, — инженеру, а не двенадцатилетнему отстранённому слушателю.

Севр перехватил взгляд Элиана — тот, что был обращён к механизму, а не к людям, — и впервые посмотрел на него без вражды. Этот слушал звук. Не речь про Севра — сам звук.

Рута ждала Элиана в боковом дворе Архива тревог, когда стемнело. Она была небольшая, тихая — из тех, кого зовут негромкими не за робость, а за то, что берегут тишину, как другие берегут вещь.

— Я пришла не подтверждать, что он хороший, — сказала она сразу, будто отводя ненужное. — Я пришла подтвердить порядок слов.

Она достала дощечку — детскую, с процарапанными буквами. На ней стояло:

«Северный звук не имеет человеческого шага».

— Я записала это в ту ночь, — сказала Рута. — До свода. Тогда Севр ещё сам разделял звук и имя — он первый и сказал, что шаг не человеческий. Я записала за ним.

— Почему ты не показала это сразу? — спросил Элиан.

— Меня отстранили. А отдай я дощечку в архив, — Рута поглядела на тёмные окна, — архив не сохранит порядок

слов. Он подошьёт мою фразу к своду и сделает из неё ещё одно подтверждение. Правду там переваривают в версию.

И тут в архивном окне, за стеклом, на пустой полке появился лист. Его только что не было — Элиан мог поклясться. Лист лёг сам, ровно, будто его положила рука, которой не было.

Они вынесли его на свет. Документ был датирован — четвёртой ночью. Той, что ещё не наступила. И в нём сообщалось, деловито и подробно, о завершённой эвакуации северного района: сколько семей выведено, сколько убежищ открыто, во сколько дан отбой. Всё в прошедшем времени. О том, чего не было.

Внизу стояла подпись. Тарн — тот самый, что отменял тревоги, — подошёл, глянул и побелел.

— Это мой почерк, — сказал он. — Моя рука. Мой ро-счерк, я его из тысячи узнаю. — Он поднял глаза. — Но я не подписывал. Не помню, чтобы подписывал. Как я мог закончить тревогу, которой ещё не было?

Хелла тронула чернила пальцем. Палец окрасился.

— Свежие, — сказала она тихо. — Ещё не высохли. А дата — будущая.

Тильда смотрела на лист, и Элиан видел: она видит его дважды. Одна её тень лежала на исписанном документе. Другая — на пустой, чистой бумаге, будто лист был и написан, и не написан разом.

— Он и есть, и нет, — прошептала Тильда. — Оба сразу.

Это не версия, которая была. Это версия, которую очень подробно испугались.

Из пустого архивного окна — оттуда, где никого не было, — донёлся сигнал завершения тревоги. Отбой по ночи, которая ещё не наступила.

Тарн держал в руках собственную будущую подпись.

— Эту тревогу нельзя отменить, — сказал он медленно, — пока не ясно, почему я уже её закончил.

Глава 4. Ночь, которую уже помнят

Дом Эры Мостовой стоял на северном склоне и был тёплым, обжитым, добрым. Пахло хлебом и свежим деревом. И всё же, едва Элиан вошёл, что-то в этом доме стояло не так, как надо, — будто здесь горевали и пекли хлеб одновременно.

Эра усадила их и стала показывать. Пустую детскую кровать, застеленную гладко. Сложенную стопкой одежду. Бинт. Маленькую деревянную игрушку.

— Я всё сохранила, — сказала она. — После той ночи. Он так любил эту лошадку. Он был... — Она запнулась. — Он такой тихий был мальчик.

У стены стоял мальчик лет девяти. Живой. Он слушал, как мать говорит о нём в прошедшем времени, и лицо у него было как у того, кого хоронят при нём же.

— Я не вернулся, — сказал Нол. — Я никуда не уходил, мам. Я всё время был тут.

Эра посмотрела на него — и обняла. Слишком сильно, слишком долго, как обнимают не ребёнка, а возвращённого

с того света. Нол терпел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.